

дѣлать историческое значеніе Пушкина; и въ такомъ случаѣ если кромѣ абсолютнаго нравственно-христіанскаго взгляда вводятся и соображенія историческія,—то, очевидно, выводъ уже не можетъ оставаться столько безусловнымъ и исключительнымъ. Абсолютная христіанская нравственность должна была осудить Пушкина,—и кого бы она не осудила? Нѣтъ человѣка безъ грѣха; но, съ исторической точки зрѣнія, которая тотчасъ предполагаетъ условія мѣста и времени, обстановки и примѣра, личность дѣятеля перестаетъ быть одинокой: рядомъ съ нимъ явится его эпоха, съ ея одолѣвающими вліяніями—среда, семья, сословіе, и т. д. и историкъ долженъ смягчить суровыя осужденія, и откроетъ достоинства, о которыхъ можетъ забыть абсолютный моралистъ. Самъ авторъ „бесѣды“ призналъ, что Пушкинъ былъ „произведеніемъ всего прошедшаго въ Россіи, какъ и своего времени, и своего круга“; и дѣйствительно, чѣмъ больше историческая критика всматривается въ великаго поэта, тѣмъ больше открываетъ въ немъ тѣснѣйшихъ связей съ историческимъ прошедшимъ русскаго общества, съ чертами его времени и его круга: время и почва его дѣятельности были даны; воспитаніе, которое онъ получилъ, какъ и всякое воспитаніе, не было его личнымъ выборомъ,—въ дѣтствѣ и въ юношествѣ, когда сознаніе слабо, за человѣка думаютъ, имъ руководятъ другіе по ихъ собственнымъ соображеніямъ; обстановка жизни дается характеромъ общества, какъ имъ же даются первыя жизненныя стремленія и цѣли. Такимъ образомъ, въ обыкновенныхъ историческихъ условіяхъ личная отвѣтственность сокращается и, напротивъ, вырастаетъ заслуга человѣка, когда среди мало-благоприятныхъ условій, среди общественной пустоты, онъ успѣваетъ возвышаться до идей несравненно большей цѣнности, до поэтическихъ созданій, проникнутыхъ высокимъ нравственнымъ содержаніемъ. Если вспомнить ту обстановку конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, подъ внушеніями которой развивался Пушкинъ, то намъ не только будутъ понятны его недостатки, осуждаемые моралистами, но понятно будетъ, что, быть можетъ, осужденіе гораздо прежде должно пасть на иныхъ людей и на инныя идеи. Съ исторической точки зрѣнія, нельзя судить человѣка, вырвавъ его изъ его среды; напротивъ, надо именно вспомнить эту среду, и готовое осужденіе съ гораздо болѣею силою можетъ пасть на тѣхъ, кто былъ особенно виновенъ въ томъ или другомъ ненормальномъ явленіи жизни. Вспомнимъ вѣкъ Екатерины, его нравы, понятія и учрежденія: моралистъ нашелъ бы здѣсь очень много матеріала для обличенія... Между прочимъ, въ укоръ Пушкину ставится нетвер-